

Я знала тайны всех растений

И песни всех колоколов...

Марина Цветаева

Тема колокольных отголосков в поэзии Цветаевой навеяна интересом ко всему, что связано с колоколами и звоном. Во время подготовки к экзаменам в Школе звонарей, подбирая материал к вопросу «Колокола в искусстве», просматривая, в том числе, стихи разных авторов, я сделала для себя маленькое открытие – о колокольности в поэзии Марины Цветаевой.

Звон, колокола упоминаются в стихах многих поэтов, но, пожалуй, ни у одного не занимают такого значимого, видного места, как у Цветаевой. В ткань своих стихов Цветаева часто вплетает музыкальные впечатления и воспоминания, имена композиторов, название музыкальных инструментов. Среди последних упоминаются лира, орган, гитара, арфа, рояль, лютия, скрипка, мандолина... Но ни один музыкальный инструмент в её поэзии не «звучит» так часто, полновесно, многогранно, как колокола.

Старший современник Цветаевой А.А. Стахович, человек театра, которому поэт посвятила ряд стихотворений, ассоциировал поэзию Марины Цветаевой с темой, в лейтмотив которой входят купола, колокола. В своем очерке «Моя встреча со Стаховичем» Цветаева передает его слова:

«...Качалов получил от Вас стихотворение, без подписи... Тщетная предосторожность, ибо Вас тотчас же узнали все. Купола, колокола...»

А поэт Арсений Несмелов, современник Марины Ивановны, в стихотворении, ей посвящённом, не без основания вопрошает: «Звонят ли в Москве колокола?»

Как есть у пишущих склонность к определённым темам, определённой лексике, так Цветаева склонна преломлять всё, что связано со звоном, колоколами, в поэтические образы, вводить колокольный антураж в свои стихи.

Судя по произведениям, принадлежащих их перу, сёстры Цветаевы были обострённо восприимчивы к звуковой атмосфере. Колокольность в поэзии Марины можно объяснить её личной психофизической восприимчивостью к звучанию колоколов. И – фамильной, генетической. Примечательно, что по линии отца, она принадлежала к роду так называемых колокольных дворян (так когда-то называли священнослужителей). Важно и то, что сёстры Цветаевы росли в музыкальной семье – дом «звучал». Мать была талантливой пианисткой. В доме царили музей и музыка. По воспоминаниям Ариадны Эфрон её мать «из двух начал, которым было подвлиянно её детство – изобразительные искусства (сферы отца) и музыка (сфера матери), – восприняла музыку».

Для Марины Цветаевой характерна тяга к чему-либо исключительному. На эту роль в мире музыки, звуков более всего подходили колокола. Это особенный музыкальный инструмент, особенный и своей пленэрностью, и размерами, и сакральностью: своим предназначением служить Богу, возводить ум, помыслы горé, а ещё – демократичностью, национальным колоритом.

И её родной город Москва звучал. В стихотворениях, обращённых к петербургским поэтам Блоку, Ахматовой, Ман-

дельштаму, Цветаева подчёркивает древность, историзм, святость и – колокольность Москвы:

У меня в Москве – купола горят!

У меня в Москве – колокола звонят!

В стихотворении «О, муза плача, прекраснейшая из муз!..», посвящённом Ахматовой, Цветаева называет Москву «певучим градом», «колокольным градом».

И даже топография Москвы у Цветаевой колокольная:

Семь холмов – как семь колоколов!

На семи колоколах – колокольни.

Всех счетом – сорок сороков,

Колокольное семихолмие!

И день рождения для поэта был неотделим от колокольного звона:

В колокольный я, во червонный день

Иоанна родилась Богослова.

Как видно из шуточного стихотворения «Детский день», колокольный звон был слышен и в доме её детства и юности в Трёхпрудном переулке:

Сумерки... К вечерне

Слышен дальний звон.

В стихотворении «В пятнадцать лет» Цветаева написала о своём детском восприятии того, что ей вызванивали колокола:

Весенний звон с далеких колоколен

Мне говорил: «Побегай и приляг!»

Для Марины Цветаевой колокольный звон был своим, родным и по праву рождения, в таком же смысле, каком она отвечает дочери на её наивную просьбу купить ей Кремль:

«Кремль – твой от рождения». И по какому-то тайному, особому праву.

Не исключено, что поэта пленяло само слово «колокол». Слово звукоподражательное, гадательное по этимологии.

Уже в раннем, юношеском, сборнике «Вечерний альбом» Цветаева обращается к колокольной тематике. В стихотворении «Дама в голубом» она передаёт легенду о явлении Мадонны мальчику-пастуху и о колокольном звоне, который сопровождал это чудесное событие. В содержании стихотворения прослеживаются западное влияние, католические традиции. Ведь оно навеяно пребыванием Марины с матерью и сестрой в Германии, её увлечением культурой этой страны, её вероисповеданием.

Более всего колокольных стихов у Цветаевой в предреволюционные годы и первые годы после Октябрьской революции, где сильны и главенствуют впечатления детства, отрочества, ранней молодости, проведённых в Москве и её окрестностях. Впечатления безмятежного, уютного мира, где звон неотделим от праздничной атмосферы семейных и церковных праздников, слуховых впечатлений:

*Звон колокольный и яйца на блюде
Радостью душу согрели.
Что лучезарней, скажите мне, люди,
Пасхи в апреле?*

*Колокола звонят в тени,
Спешат удары за ударом,
И все поют о добром, старом,
О детском времени они.*

Наиболее часто в своих стихах Цветаева передаёт характер звона для разных картин и событий, к тому, каким она воспринимает его:

Есть у нас презвонкий

Колокольный звон...

Вечерний колокол поет едва...

И плывет церковный звон...

Жидкий звон, постный звон...

Накрапывает колокольный дождь...

Перекатился колокольный гром...

У Цветаевой колокола поют всегда в унисон мыслям, настроению, идее стихотворения. Восприятие звона может меняться по мере того, как меняется настроение, мировосприятие, шкала ценностей автора. Как, например, в стихотворении «Ни здесь, ни там» изменяется понимание того, о чём поют колокола:

Они поют: и здесь, и там...

Они поют: не здесь, а там...

Ни здесь, ни там... Ни здесь, ни там...

Как поэт, Цветаева выбирает такой тип, «нрав» звона, который ей необходим для образного строя стиха, для создания определённого настроения, усиления, драматизации какой-либо мысли, идеи.

*Червонные возблещут купола,
Бессонные взгремят колокола...*

В этих строках из стихотворения, посвящённого Мандельштаму, колокольная образность передаёт радость, торжественность, с оттенком драматизма, при появлении поэта в Москве.

*Под рёв колоколов на плаху
Архангелы меня ведут...*

Для придания остроты, трагичности драматичной картине, развёртывающейся в стихотворении, Цветаева выбирает соответствующий ей звон.

Часто звучание колоколов входит в звуковой фон, на котором происходят события в стихотворении, фон, акцентирующий или создающий настроение. В стихотворении «День августовский тихо таял...», посвящённом Петру Эфрону, колокольный звон словно окаймляет события встречи, является камертоном меняющегося настроения:

*И – помнится – тихонько пели
Колокола.*

Отсутствие колокольного звона значимо, отмечает завершённость события, его исчерпанность, некоторую опустошённость:

*И, кажется, уже не пели –
Колокола.*

В стихах упоминаются и виды звона, например, набат – звон тревожный, звучащий в случае бедствия, опасности. В стихотворении «О нет, не узнает никто из вас...», где тревожащая совесть сравнивается с набатом, этот вид звона служит для создания атмосферы повышенной эмоциональности, тревоги, сильных переживаний.

Подобно тому, как колокольный звон звучит в особых случаях: к церковным службам, значимым событиям церковной жизни, отмечает важные части богослужения, так и включение его в звуковой фон, колокольная образность настраивает на возвышенный лад, на то, что речь идёт о чём-то значительном. И в народном восприятии колокольный звон всегда мыслился как что-то священное, связанное с горним миром.

В стихотворении «Каждый день всё кажется мне: суббота!..» звон придаёт важность и торжественность предвкушаемому событию:

Зазвонят колокола, ты войдёшь...

Цветаева неоднократно проводит параллель между колоколами и таким важным понятием как «сердце». Для придания сравнению ещё большей силы, она называет сердце – кремлёвским колоколом:

А этот колокол там, что кремлёвских тяжелее...

*И ты поймёшь, что с эдаким в груди
Кремлёвским колоколом – лгать нельзя...*

В стихах Цветаевой не только «звучит» разнообразный звон, в круг её поэтических интересов входят и другие реалии, связанные с миром колоколов. Свою маленькую дочку Алю она сравнивает с такой же маленькой, видимо, недавно построенной, трогательной колоколенкой:

*Молодой колоколенкой
Ты любишься – в воздухе.
Голосок у ней тоненький,
В ясном куполе – звёздочки.*

*Куполок твой золотенький,
Ясны звезды – под лобиком.
Голосочек твой тоненький, –
Ты сама колоколенка.*

В стихотворении «Поэт – издалека заводит речь...», где Цветаева пишет о неординарности, особой миссии поэта, она в россыпь образов включает и колокольный:

*Он даже размахнувшись с колокольни
Крюк выморочит...*

Колоколья мыслится как сакральное, знаковое, высокое и по своей архитектуре, и по значимости строение:

*Быть хочу твоей последней
Колокольной.*

*И засим, с колокольной крыши
Объявляю: **люблю** богатых!*

Деликатным представляется вопрос о церковном или нецерковном, неканоническом «звучании» колоколов в цветаевской поэзии. На Руси звон по своему происхождению, бытованию был всегда связан с храмом, с богослужением. За исключением звонов специального назначения, например, метельного, набата. Цветаева, хотя и слышала церковный звон, пишет о звучании храмовых колоколов, очень свободно, вольно интерпретирует колокольную тематику. Колокола звучат у поэта Цветаевой так, как ей нужно для образного строя произведения.

Характерным примером могут служить строки из поэмы-сказки «Молодец»:

*Как пойдет с коромыслом –
Церкви в звон, парни в спор...*

Из повествования следует, что колокола начинают звонить лишь потому, что по селу идёт миловидная девушка.

Выраженная в значительной степени и с такой впечатляющей интенсивностью колокольность позволяет говорить о ней как о характерной особенности поэтического мира Марины Цветаевой. Колокольность вносит дополнительные нотки в звукоряд её стихов. Важно и то, что колокольное поэтическое наследие Цветаевой – это ценный исторический, кампанологический материал, поскольку за годы советской власти этот пласт звуковой, музыкальной культуры был во многом потерян. Ценно поэтому любое свидетельство очевидца, особенно такого образованного, равнодушного, такого тонкого ценителя, каким была Марина Цветаева. Например, «колокольные» стихи Цветаевой свидетельствуют о том, что звон был постоянным, привычным, существенным компонентом в звуковой атмосфере дореволюционного времени. И в том тихом мире, где преобладали естественные, природные звуки, колокольный звон был дружественен человеку, органичен, мил сердцу.

Примечательно, что в стихотворении «Я бы хотела жить с Вами // В маленьком городе...», в стихотворении, в котором Марина Ивановна мечтает о том, в каком месте и как бы ей хотелось жить, она пишет, что это город, где в том числе и «вечные колокола». Для этого мира, созданного её желанием, она отбирает из всего огромного Мира и – колокола.

Радостно и знаменательно, что не только слово связывает нас с таким большим поэтом, но и колокольный звон, который в последние десятилетия возрождается и всё чаще и чаще звучит в нашем родном городе – Новосибирске и по всей России.